

)

Ци Шуюэ, разумеется, ничего не заметил.

Гуань Е не сомкнул глаз за всю ночь, однако держался бодро. Вот только стоило рассвету забрезжить на горизонте, а рассудку – вернуться к нему, как при взгляде на лицо Ци Шуюэ у него внезапно проснулось нечто похожее на угрызения совести, смешанные с застенчивым сладким послевкусием. Его взгляд тут же соскользнул в сторону, избегая задерживаться на парне.

Иначе он рисковал снова погрузиться в воспоминания о вчерашних... о тех самых бурных фантазиях.

Сам же Ци Шуюэ не чувствовал ничего необычного. Он помнил лишь, что в полусонном бреду нашел какое-то дурацкое оправдание, чтобы уложить Гуань Е спать рядом с собой.

Спалось ему и вправду прекрасно, разве что ночью, кажется, шел дождь – в ушах то и дело раздавалось монотонное, липкое капанье.

Вот только когда утром Ци Шуюэ вышел из машины подышать воздухом, он не обнаружил никаких следов недавнего ливня – лишь кое-где лежал еще не растаявший тонкий слой снега. Какая странность.

Тем временем Гуань Е уже приготовил завтрак. Он поджарил до хрустящей корочки четыре ломтика хлеба, положил между ними яичницу, говяжью вырезку и свежий салат, а еще взбил стакан соевого молока и протянул его Ци Шуюэ. Тот в очередной раз мысленно восхитился всемогуществом Гуань Е, который умудрился раздобыть даже соковыжималку для соевого молока. Они молча разделили трапезу, после чего Гуань Е допил оставшееся у Ци Шуюэ соевое молоко.

Всё выглядело совершенно обыденно, ничем не отличаясь от любого другого дня.

Но стоило им снова забраться в машину, как Ци Шуюэ поймал себя на неприятной мысли: сегодня Гуань Е вел себя как-то иначе.

Слишком молчаливый.

Конечно, Гуань Е и в обычные дни не отличался болтливостью, но сегодня... сегодня всё было по-другому. Обычно он всегда откликался на любые слова, а сейчас цедил в ответ лишь короткие, рубленые слоги.

Стоило случиться случайному физическому контакту – например, когда он передавал соевое молоко, – Гуань Е тут же отдергивал руку, словно намеренно избегая его. Более того, за весь день они почти не встретились взглядами: Гуань Е лишь лениво бросал на него мимолетный взгляд и тут же отводил глаза, с головой уходя в дела. То он принимался за уборку оставшейся после них утвари, то заново сверял маршрут по карте.

Только не смотрел на него.

Это было очень странно.

В прежние времена Ци Шуюэ не обратил бы на подобное никакого внимания. В конце концов, пушечное мясо и главный герой словно созданы стоять по разные стороны баррикад, и то, что Гуань Е терпеть его не может, вполне логично.

Но... но, возможно, он всё же выдавал желаемое за действительное, однако Ци Шуюэ отчетливо чувствовал: что-то в их отношениях изменилось. После того как они пережили опасный период пробуждения способностей, Гуань Е стал относиться к нему настолько хорошо, что незадолго до этого Ци Шуюэ даже всерьез задумывался, куда же приведет их эта связь. Пусть они неизбежно должны были разойтись на точке финала, Ци Шуюэ уже казалось, что он к этому готов. Но сейчас всё рушилось с пугающей, сокрушительной внезапностью.

Ци Шуюэ не понимал, в чем проблема, и на сердце у него скребли крошечные, ковыряющие душу кошки.

А может, это и есть правильный поворот сюжета? – уныло подумал он.

Точно так же, как их текущий путь к базе – всё постепенно возвращается на круги своя.

Он не умеет водить, у него нет способностей, он не способен убивать зомби, а теперь еще и весь быт полностью взят на себя Гуань Е. Совершенно естественно, что такой бесполезный,

избалованный молодой господин, как он, должен был рано или поздно наскучить своему телохранителю. Никому не понравится тащить на себе обузу... Ах да, вчера он ведь еще и затащил Гуань Е спать с собой, из-за чего они потеряли время и не смогли ехать ночью. Наверное, дело в этом?

Только такое объяснение идеально укладывалось в рамки предписанного системой сюжета. Терпение главного героя истончается изо дня в день под грузом подобных мелочей, пока накопленное раздражение и разочарование не прорвутся наружу в момент выполнения последнего «суицидального задания». Это приведет к их окончательному разрыву, после чего лишенное сил и защиты пушечное мясо непременно погибнет в пучине апокалипсиса.

Ци Шуюэ решил, что во всем разобрался.

Если он хотел бы изменить подобный исход, то именно сейчас должен был начать хоть как-то заглаживать вину и налаживать треснувшие отношения... Но, разумеется, Ци Шуюэ палец о палец не ударил. Ведь, хорошенько подумав, он пришел к выводу: это и есть та самая ролевая модель, которую он обязан воплотить в жизнь как «пушечное мясо».

Именно поэтому с этого самого момента Ци Шуюэ с удвоенным усердием пустился во все тяжкие, демонстрируя свою капризную натуру во всей красе и помыкая Гуань Е по любому пустяку. Его поведение стало поистине невыносимым.

В условиях жесточайшего дефицита ресурсов в эпоху апокалипсиса, имея в закромах пространственного кармана бесчисленные запасы всякой всячины, Ци Шуюэ каждый день устраивал капризные гастрономические истерики. Ему подавай горячую еду исключительно из свежайших ингредиентов, словно Гуань Е был шеф-поваром ресторана пяти звезд (впрочем, даже без подобных требований Гуань Е всё равно готовил именно так). Ехать в машине слишком долго тоже нельзя – его укачивает, так что требуется немедленно сделать привал. То он усядется читать книгу прямо в салоне, то вдруг возжелает прогуляться пешком на свежем воздухе – и пусть вокруг не было ни единой живой души, Гуань Е был обязан тащиться за ним хвостом, что неимоверно затягивало их путь. Кроме того, несмотря на лютый холод, Ци Шуюэ вздумалось принять горячую ванну. Ему пришлось заставить Гуань Е обшарить несколько попутных заброшенных зданий, раздобыть кем-то оставленные походные принадлежности и соорудить временную мобильную душевую кабину с деревянной бадьей. Единственным изъяном было то, что способность Гуань Е хоть и позволяла вскипятить воду, но поддерживать постоянную температуру он не умел. Ему приходилось заранее готовить бадью за бадьей горячей воды, смертельно боясь, как бы драгоценный молодой господин не простудился.

Гуань Е всё делал молча, не проронив ни единой жалобы. От этого наглого, показушного самодурства Ци Шуюэ порой даже становилось неловко – ведь его целью было заставить парня возненавидеть себя и воочию убедиться в его отвратительном характере.

И как назло, сколько бы грозным и свирепым ни казалось лицо Гуань Е, Ци Шуюэ так ни разу и не увидел его по-настоящему злым.

Ци Шуюэ прекрасно понимал, что острее всего они сейчас нуждались вовсе не в изысканной еде, а в воде. Хотя в его пространственном складе и хранилось около сотни бутылей с питьевой водой, эта жизненно важная влага исчезала с пугающей быстротой. Поначалу Ци Шуюэ знатно покуражился, но со временем приучил себя трепать нервы телохранителю лишь тогда, когда они случайно натыкались на надежные источники чистой воды.

И несмотря на всё это, Ци Шуюэ чудилось, будто после того дня странного отчуждения Гуань Е снова потянулся к нему.

Ци Шуюэ терялся в догадках, недоумевал, а в конце концов просто махнул на всё рукой.

Единственным выводом, к которому он пришел, было то, что главный герой просто мастерски владеет искусством притворяться слабым ради внезапного удара, и обычному пушечному мясу никогда не раскусить истинные мысли этого хищника. Ну или у Гуань Е просто в очередной раз обострился его проклятый синдром гиперопеки и родительского долга.

Сам же Гуань Е в те дни переживал не менее мучительные внутренние терзания.

Всё началось с осознания простой истины: Ци Шуюэ был несчастен.

Эту грусть Гуань Е уловил по самым неуловимым, едва заметным деталям.

Например, настроение Ци Шуюэ явно падало: уголки его ресниц чуть подрагивали, уголки губ опускались ниже обычного, он больше не улыбался так заразительно, как раньше, перелистывал страницы книг медленнее обычного, и даже аппетит, кажется, заметно убавился. Он выглядел увядшим, словно приболевшая кошка, которая забилась в самый темный угол и молча зализывает раны.

Сердце Гуань Е сжималось от жалости.

Но в то же время он впервые в жизни не стал сходу, напролом допытываться у Ци Шуюэ о причинах. Где-то на интуитивном уровне Гуань Е понимал: эта хандра вызвана... им самим.

Главной искрой, разжегшей этот пожар, несомненно, стало его ночное прегрешение.

Неужели Ци Шуюэ обо всём догадался?

Уловил ли он наутро тот самый запах, оставшийся в машине, или заметил выброшенное белье, которое было уже невозможно отстирать?

А может, он просто прочитал всё по его собственному хищному, затуманенному собственническим безумием взгляду, в котором отчетливо читалось желание сожрать его со всеми потрохами?

И хотя Гуань Е обычно не лез за словом в карман, когда дело касалось Ци Шуюэ, подойти и прямо спросить: «Молодой господин, вы расстроены, потому что поняли, что я занимался самоудовлетворением, думая о вас?» – это всё-таки переходило границы его морали. Подобный тупик заставил его впервые в жизни превратиться в глухонемого. И пока Гуань Е изводил себя из-за того, что из-за него Ци Шуюэ ходил хмурый весь день, а ночью даже отказался от привычного стакана молока и уже был готов упасть на колени с повинной, Ци Шуюэ вдруг чудесным образом сам пришел в норму и стал даже... еще более прилипчивым, чем раньше.

Чем бы они ни занимались, он норовил держаться рядом, лип к нему, как банный лист, не желая отпускать ни на секунду. Его губы то и дело выговаривали имя телохранителя: то «Гуань Е, сюда!», то «Гуань Е, поди сюда!» – и всякий раз, когда Гуань Е слышал, как Ци Шуюэ произносит его имя, его сердце пропускало дикий удар, а по венам разливалась мощная, неиссякаемая энергия, заставляя чувствовать себя так, будто он способен свернуть горы.

Нынешний Ци Шуюэ нуждался в нем сильнее прежнего, охотно капризничал, таскал его с собой на исследование безлюдных мест и вечерние прогулки под звездным или лунным светом. Каждое желание Ци Шуюэ, большим оно было или малым, Гуань Е исполнял беспрекословно – ведь это право даровал ему сам молодой господин.

Ци Шуюэ сам хотел этого. Он сам позволил ему.

Это удовлетворяло какую-то темную, извращенную сторону натуры Гуань Е, даруя ему столь желанное чувство стабильности.

Гуань Е панически боялся, что резкие перемены вокруг заставят юного господина чувствовать

себя неуверенно и тревожно, заставляя идти на чрезмерные компромиссы. Из-за своей любви Гуань Е находил эту покорную мягкость невероятно милой и трогательной, но понимал, что ничего хорошего в этом нет. Ему куда больше нравилось, когда Ци Шуюэ капризничал и всецело полагался на него, а не ломался под безжалостным натиском внешнего мира.

И теперь эта добровольная близость и зависимость со стороны Ци Шуюэ принесли Гуань Е внезапное, ослепительное счастье... словно донельзя капризная и чистоплотная кошка, которая вдруг сама захотела прижаться к окровавленному, пропитанному смертоносной аурой бродяге, позволив испачкать свою белоснежную шерстку, и, свернувшись калачиком, заснула прямо у него на груди.

Ему это безумно нравилось.

Он считал себя невероятно везучим.

Даже если в будущем Ци Шуюэ разлюбит его, он всё равно уже никуда не сможет от него сбежать.

Погрузившись в эту теплую трясины с головой, он жаждал остаться в ней навсегда, не расставаясь ни на миг.

Ослепленный этой гигантской волной счастья, Гуань Е перестал замечать прочие странности, сосредоточившись лишь на том, чтобы прожить с Ци Шуюэ каждый день как последний.

Единственной остававшейся у него проблемой были ночные физиологические реакции. Но опасаясь повторения недавнего кошмара и не желая снова напугать Ци Шуюэ, он даже не притрагивался к себе, несмотря на то, что каждое утро его тело стояло колом.

Ему лишь оставалось вставать спозаранку и втайне стирать испачканное белье.

Дорога, которая по всем законам жанра должна была кишеть смертельными опасностями, на удивление гладко стелилась под колеса. Они продвигались вперед так легко и беззаботно, будто отправились в медовый месяц. Стоило им столкнуться с особо настырными зомби, как те даже не успевали приблизиться к машине и заляпать кузов – опытный Гуань Е играючи разрывал их на куски на расстоянии с помощью пространственной способности. Из-за этого у Ци Шуюэ сложилось устойчивое впечатление, будто они просто выбрали тихий маршрут, где почти не водятся монстры, ну или в крайнем случае снова сработал протагонистский сюжетный щит главного героя...

Пока в один прекрасный день, прямо посреди их вошедшей в привычку послеобеденной прогулки, Гуань Е вдруг резко напрягся. Его лицо мгновенно стало ледяным и суровым, словно

он почуял неладное, и он крепко сжал руку Ци Шуюэ в своей.

- Сначала в машину, - бросил Гуань Е.

<http://bllate.org/book/18797/1870143>